

СОБЕРИТЕЛНО-СЪРЪЕТНО

только и

142

96

СЕРПЕТАЮ ИК ВРН(6)

Т О В. С Т А Л И Н У.

Направляю при этом первый протокол допроса А.С.

ЕНУКИДЗЕ от 27 апреля 1937 года.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР:

(Н. ЕЖОВ)

"28" апреля 1937 года.

No 57008

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Е Н У К И Д З Е, Авеля Сафроновича.

От 27 апреля 1937 года.

Вопрос: Вы обвиняетесь в том, что являлись участником контр-революционной организации и вели организованную борьбу против советской власти. Признаете ли Вы себя в этом виновным?

Ответ: Да, я признаю себя виновным в том, что действительно принимал участие в нелегальной деятельности, направленной к устранению нынешнего руководства ВКП/б/ и советского правительства, направленной в конечном итоге к захвату власти контр-революционной организацией правых и входящей с ней в блок троцкистско-зиновьевской организацией.

Было бы, однако, неправильно, если бы я сказал, что являлся участником какой-либо из этих организаций; я знал о том, что с 1932 года осуществился блок между подпольной организацией правых и троцкистско-зиновьевской организацией; знал, что блок этих организаций подготавливает совершение террористических актов над руководителями ВКП/б/, я был связан с некоторыми руководителями блока и вел работу по подготовке вооруженного переворота в Кремле, но формально ни в состав центра блока, ни в состав этих организаций я не входил.

Впервые о моем участии в этой нелегальной работе со мной говорил М. ТОМСКИЙ в 1930 г. от имени центра пра-

вых, а впоследствии от имени блока.

Вопрос: Почему же при Вашей формальной непричастности к нелегальной организации правых ТОМСКИЙ все же вел с Вами переговоры о вооруженном перевороте в Кремле?

Ответ: Это об"ясняется, в первую очередь, тем служебным положением, которое я занимал до 1935 года. Мое пребывание на посту секретаря ЦИКС"а, сосредоточение в моих руках руководства охраной Кремля, толкало сначала представителей центра организации правых, а затем блока перечисленных мною контр-революционных организаций на сближение со мной, с целью привлечь и меня к их контр-революционной деятельности.

Переговорам ТОМСКОГО со мной способствовало следующее: формально не принадлежа к правой оппозиции внутри ВКП/б/, я все же по своим взглядам на некоторые существенные вопросы политики ЦК ВКП/б/ и советского правительства, в частности, в вопросе об обложении крестьянства налогами, о ценах на сельско-хозяйственные продукты и т.п. примыкал больше всего к правым. Кроме того, находясь в партии с первых дней ее основания и работая все время среди большевиков, я все же сохранил много личных, дружественных связей с меньшевиками, а также неоднократно колебался по организационным вопросам в РСДРП в сторону меньшевиков. Это наложило на меня печать нетвердого, нестойкого большевика.

Еще до октябрьской революции, в период острой борьбы между большевиками и меньшевиками, у меня нередко проявлялись меньшевистско-либеральные, соглашательские и примиренческие настроения. Эти настроения еще больше усилились в период двух-трех месяцев февральской револю-

ции 1917 года.

После октябрьской революции в практике моей работы в качестве секретаря-сначала ВЦИК, а затем ЦИК Союза, эти настроения отражались на моем отношении и к отдельным представителям враждебных классов и партий и представителям ранее привилегированных сословий. Я оказывал во многих случаях содействие выходцам из классово-враждебной среды в их ходатайствах о выезде за границу, о предоставлении им разных льгот, об освобождении из-под ареста и т.п. Я также материально поддерживал отдельных лиц, принадлежащих к враждебным ВКП/б/ и советскому правительству партиям.

Эта практика достаточно характеризовала мое поведение, как члена правительства и как члена ВКП/б/, она шла вразрез с твердой классово-революционной политикой большевиков в эпоху диктатуры пролетариата. Это все, конечно, знали и не могли не знать лидеры так называемой правой оппозиции ТОМСКИЙ, РЫКОВ и БУХАРИН, и именно это они использовали для того, чтобы начав с разговоров со мной о том, что их незаслуженно отстранили от участия в руководстве ВКП/б/ и советского правительства, с критики политики и мероприятий ЦК ВКП/б/ и органов советской власти, перейти в дальнейшем к прямым переговорам о борьбе с нынешним руководством ВКП/б/.

Вопрос: Расскажите подробно, когда и при каких обстоятельствах, кто из правых вел с Вами разговоры, в которых критиковалась политика ВКП/б/ и советского правительства и которые предшествовали переговорам об организованной борьбе против руководства ВКП/б/?

Ответ: Разговоры, в которых критиковалась политика ВКП/б/ и советского правительства, в первую очередь в области сельского хозяйства, относятся к периоду 1930-31 г.г. В этот период времени я часто встречался с ТОМСКИМ и РЫКОВЫМ. ТОМСКИЙ являлся моим соседом по дому, с РЫКОВЫМ же, пока он находился на посту Председателя Совнаркома, мне приходилось часто встречаться и по чисто деловым вопросам в его служебном кабинете. После его снятия я с ним также встречался. Значительно меньше я встречался в тот период с БУХАРИНЫМ, хотя и с ним у меня бывали отдельные встречи, во время которых он высказывал передо мной свое недовольство отношением к нему со стороны руководителей коммунистической партии.

Мне трудно вспомнить, когда и при каких обстоятельствах происходил тот или иной разговор с РЫКОВЫМ, ТОМСКИМ или БУХАРИНЫМ.

Припоминаю, как РЫКОВ, после снятия его с поста председателя Совнаркома, выражал резкое недовольство политикой ЦК в разрешении вопросов, связанных с коллективизацией сельского хозяйства, считая, что она ведет к упадку сельского хозяйства и приведет страну к большим осложнениям. При этом он характеризовал положение в деревне таким образом: мы останемся без хлеба, мужик разорен, скот режут, недовольство в деревне растет. Такое положение отражается и на настроениях армии.

А.И.РЫКОВ и его товарищи указывали, что если бы их не отстранили от руководства и дали бы возможность провести те мероприятия, которые они считают правильными, такого положения в стране не создалось бы.

Михаил ТОМСКИЙ, приходя ко мне, свои настроения и недовольство, в связи с изменением его положения в руководящих партийных и профсоюзных органах, выражал особо резко. Он жаловался на то, что его не ценят, хотят свести к нулю все его прошлое и т.д. У меня создалось убеждение, что у ТОМСКОГО, по мере рассеивания надежд на поддержку его со стороны лидеров профсоюзных организаций, возрастало недовольство против существующего руководства ВКП/б/.

ТОМСКИЙ обвинял руководителей ВКП/б/ в отстранении от руководства страной наиболее опытных людей, известных стране, умевших при обсуждении важных вопросов отстаивать свои взгляды.

По мнению ТОМСКОГО, которое он высказывал не только от своего имени, но и РЫКОВА и БУХАРИНА, "СТАЛИН подобрал себе послушных людей, в результате чего все важнейшие вопросы политики и хозяйственного строительства разрешаются одним СТАЛИНЫМ".

Высказывания РЫКОВА, а тем более ТОМСКОГО, не встречали с моей стороны отпора. Больше того, когда ТОМСКИЙ мне доказывал, что и РЫКОВ, и БУХАРИН, и он/ТОМСКИЙ/ не должны были быть отстранены от своих постов, я говорил ему, что всей стране и РЫКОВ, и БУХАРИН, и он-ТОМСКИЙ, хорошо известны по своему прошлому и что, в конце концов, они снова будут возвращены к участию в руководстве.

Такое мое отношение к лидерам, так называемой, правой оппозиции, создало, в частности, у ТОМСКОГО, впечатление, что я являюсь единомышленником правых. Поэтому ТОМСКИЙ в конце 1930 г. счел возможным в беседе со мной у меня на

квартире в Кремле-заявить, что никаких надежд на привлечение правых и руководящей работе в условиях нынешнего руководства ВКП/б/ нет. Он-ТОМСКИЙ, РЫКОВ и БУХАРИН могут рассчитывать, по его мнению, на приход обратно на руководящие посты только в случае смены нынешнего руководства ВКП/б/.

Перечисленные мною выше беседы, а также целый ряд подобных им, которые мне трудно вспомнить сейчас в деталях из-за давности, фактически и явились переходом к переговорам ТОМСКОГО со мной о моем привлечении к борьбе против нынешнего руководства ВКП/б/.

Вопрос: Следовательно, впервые ТОМСКИЙ Вам сделал предложение принять участие в организованной борьбе против руководства ВКП/б/?

Ответ: Да.

Вопрос: Когда?

Ответ: Это было в конце 1930 г.

Вопрос: От чьего имени?

Ответ: Это предложение он мне сделал от имени центра организации правых?

Вопрос: Кто, по словам ТОМСКОГО, входил в состав центра правых?

Ответ: По его словам, в состав центра входили: РЫКОВ, БУХАРИН и он.

Вопрос: Что конкретно Вам предложил ТОМСКИЙ?

Ответ: ТОМСКИЙ начал разговор с того, что возвращение его-ТОМСКОГО, БУХАРИНА и РЫКОВА на руководящие

посты возможно только при смене нынешнего руководства ВКП/б/?

Я возразил ТОМСКОМУ, что не только смена руководства, но и изменение состава руководящих органов возможно в нынешних условиях только насильственным путем. Я сказал ТОМСКОМУ: "СТАЛИН и его ближайшие соратники не такие люди, чтобы пойти на какие бы то ни было уступки и компромиссы, никакие силы не заставят их это сделать. Следовательно, если добиваться изменения состава или смены руководства, нужно иметь огромный перевес своих сил, своего авторитета и своего влияния в стране".

В ответ на это ТОМСКИЙ мне заявил, что они, т.-е. правые, это учитывают и что в этом направлении уже ведут работу.

В этом же разговоре ТОМСКИЙ мне рассказал, что он, БУХАРИН, РЫКОВ и УГЛАНОВ возглавляют нелегальную организацию, которая ведет большую организационную работу, стараясь распространить свое влияние на все важнейшие районы Советского Союза.

ТОМСКИЙ рассказал, что после того, когда все легальные пути борьбы против существующего руководства ВКП/б/ были испробованы и не дали никаких результатов, БУХАРИН, РЫКОВ и ТОМСКИЙ пришли к выводу, что вести дальше открытую борьбу за свою политическую платформу, по примеру того, как это делали троцкисты в 1927 г., нельзя, так как это неизбежно приведет к массовым репрессиям по отношению к правым, к разгрому кадров правой организации и не даст ни-

каких шансов на победу. Поэтому не только сами РЫКОВ, БУХАРИН и ТОМСКИЙ декларировали свой отход от правых взглядов, но директиву об этом дали и своим единомышленникам, чем преследовалась одна определенная цель: сохраниться в рядах ВКП/б/ и вести подпольную организационную работу, двурушнически признавая правильной политику ЦК ВКП/б/.

Двурушничество, по мнению ТОМСКОГО, которое он высказывал от имени и своего, и БУХАРИНА, и РЫКОВА, - единственный метод, при котором правые могут развернуть работу и избежать провала.

На мой вопрос, как же мыслит себе организация правых борьбу с руководством ВКП/б/, ТОМСКИЙ от имени своего, БУХАРИНА и РЫКОВА развернул мне следующий план действий организации правых. Он говорил: "В условиях проводимой в настоящее время коллективизации, в условиях, когда деревенская масса недовольна политикой ЦК ВКП/б/ по крестьянскому вопросу, в условиях, когда в ряде районов Советского Союза, в связи с проводимой ликвидацией кулачества, как класса, имеют место открытые выступления против советской власти, можно ожидать, что в ближайшее время это недовольство деревенской части населения выльется в массовое повстанческое движение. Это повстанческое движение не может не иметь своего отражения и на Красную армию, и на ту часть рабочего класса, которая связана с деревней, и на определенные слои крестьянской молодежи. В таких условиях приобретает исключительно большое значение сочетание нелегальной работы правых в стране с развертыванием работы по подготовке воору-

женного переворота в Кремле. Этот переворот в Кремле возможен при соответствующей подготовке кремлевского гарнизона".

ТОМСКИЙ заявил мне, что все предыдущие его разговоры со мной и мое отношение к ним - правым, дают ему основание считать, что я-ЕНУКИДЗЕ- приму участие в подготовке переворота и что в этом отношении я, как человек, в руках которого сосредоточено руководство охраной, смогу принести большую пользу в деле организации смены нынешнего руководства ВКП/б/.

Я потребовал от ТОМСКОГО еще более детального объяснения плана, намеченного организацией правых для захвата власти. ТОМСКИЙ мне заявил, что детального плана он мне передать не может, так как они его еще не разработали, но что общие линии, по которым пойдет деятельность организации правых, сводятся к следующему: организация правых через своих сторонников должна попытаться возглавить то повстанческое движение, которое неизбежно развернется по всему Советскому Союзу в результате краха политики ЦК ВКП/б/ в деле коллективизации. Именно к моменту этих восстаний необходимо подготовить и осуществить вооруженный переворот в Кремле, арестовать руководителей ВКП/б/ и советского правительства и захватить власть в свои руки при помощи охраны Кремля и школы ВЦИК.

ТОМСКИЙ мне повторил, что мое участие в этом деле имеет большое значение и что он уверен, что я дам согласие и сделаю все от меня зависящее, чтобы завербовать как среди кремлевской охраны, так и в школе ВЦИК необходимых людей.

находящихся на важнейших узловых участках кремлевского гарнизона и тем самым обеспечу его выступление.

Дав согласие на оказание помощи организации правых в подготовке вооруженного переворота в Кремле, я одновременно обратил внимание ТОМСКОГО, что он слишком оптимистически смотрит на возможность развертывания вербовочной работы среди кремлевского гарнизона для борьбы против существующего руководства ВКП/б/ и советского правительства. Я обратил внимание ТОМСКОГО, что курсанты Кремлевской военной школы вербуются, главным образом, из рабочих и рабочих партийно-комсомольской молодежи, что партийная прослойка в школе никогда не падала ниже 90% и что, наконец, курсантский состав школы меняется из года в год. Что касается постоянного состава, то, во-первых, его очень незначительное количество, во-вторых, в своей массе и этот состав предан нынешнему руководству ВКП/б/ и советского правительства. В ответ на это ТОМСКИЙ мне заявил, что он учитывает все те трудности, которые я ему нарисовал, но что, тем не менее, он считает, что есть возможность завербовать верных людей из состава комендатуры Кремля и школы ВЦИК, чтобы рассчитывать на них в деле организации переворота в Кремле.

Тут же ТОМСКИЙ просил меня подумать и найти лиц, которые бы могли постепенно приступить со своей стороны к подбору людей в кремлевском гарнизоне и выявлению их настроений, дабы привлечь их по одиночке или группами для выполнения заданий организации.

Я обещал ТОМСКОМУ к следующей встрече дать свои соображения о людях и о плане развертывания вербовочной работы.

Вопрос: Что Вы практически сделали в области подбора людей для вербовки?

Ответ: Как я показывал выше, беседа с ТОМСКИМ, во время которой я взял на себя выработать план вербовочной работы, происходила в конце 1930 г.

После этой беседы с ТОМСКИМ я занялся более подробным ознакомлением с командным составом комендатуры Кремля и школы ВЦИК. Одновременно я стал больше уделять внимания изучению настроений курсантского состава школы.

В этом отношении у меня были весьма обширные возможности, поскольку я получал из ОГПУ и от комендатуры Кремля сводки агентурных материалов об отрицательных настроениях среди состава гарнизона Кремля.

Первые же результаты такого моего ознакомления с политическими настроениями состава кремлевского гарнизона, убедили меня в том, что вербовочную работу мне удастся развернуть только в том случае, если я смогу привлечь к этой работе авторитетных лиц из командного состава гарнизона, повседневно соприкасающихся со средним составом последнего. В противном случае, мое положение в Кремле, отсутствие точек соприкосновения для систематического общения с этим средним составом не дадут мне возможности привлечь кого-либо из них в организацию.

Вполне понятно, что я стал подыскивать подходящих людей среди руководящего состава гарнизона, который

был более близок ко мне.

В первую очередь мое внимание обратилось к ПЕТЕРСОНУ - в то время коменданту Кремля, ГОРБАЧЕВУ - б. начальнику школы ВЦИК и его заместителю ЕГОРОВУ. Все эти лица по своему служебному положению, а также по своему личному авторитету среди подчиненных им были безусловно подходящими для использования в вербовке кадров и подготовке вооруженного переворота.

Вместе с тем, вербовка кого бы то ни было из них для борьбы против существующего руководства ВКП/б/ представляла собою большой риск.

О ПЕТЕРСОНЕ я знал, что он бывший троцкист, знал, что в Кремль его в свое время продвинул лично ТРОЦКИЙ, знал, что он был в свое время исключительно преданным ТРОЦКОМУ человеком, но я знал и то, что после 1923 г. ПЕТЕРСОН никогда открыто, как троцкист, не выступал, а в разговорах старался показать, что после 1923 г. он с ТРОЦКИМ и троцкизмом окончательно порвал.

Что касается ГОРБАЧЕВА и ЕГОРОВА, то ни о какой их причастности в прошлом к антипартийной деятельности мне известно не было.

При встречах с ТОМСКИМ в течение 1931 г. я ему высказывал эти свои соображения и говорил, что несмотря на большое доверие ко мне ПЕТЕРСОНА и принятые меры приблизить к себе ГОРБАЧЕВА и ЕГОРОВА, у меня нет достаточных оснований ставить перед ними вопросы борьбы с руководством ВКП/б/ из риска провала.

ТОМСКИЙ в беседах со мной в отношении ПЕТЕРСОНА сказал мне: "Если тебя смущает то, что ПЕТЕРСОН отошел от троцкизма, то я тебе могу сообщить, что многие троцкисты, отошедшие от троцкизма, вновь включились в организованную борьбу и у нас, у правых, ведутся переговоры с троцкистами о контакте и совместной нелегальной работе. В разговоре с ПЕТЕРСОНОМ ты можешь сообщить ему об этом и действовать более решительно и смело в деле его привлечения".

В конце 1931 г. в перерыве заседания Политбюро встретились в коридоре здания правительства в Кремле ТОМСКИЙ, ПЯТАКОВ и я - ~~ЕНУКИДЗЕ~~.

Из нижнего этажа мы поднялись наверх.

В процессе беседы между мною, ТОМСКИМ и ПЯТАКОВЫМ на разные темы, ТОМСКИЙ мне заявил, что он специально свел меня с ПЯТАКОВЫМ, для того, чтобы я убедился, что правые не одиноки в своей борьбе против руководства ВКП/б/. -

Из всего разговора, который велся между нами, я понял, что ТОМСКИЙ хотел заручиться присутствием ПЯТАКОВА с целью закрепить данное мною ему -ТОМСКОМУ, обещание помочь организации правых в деле развертывания нелегальной работы в Кремле.

ПЯТАКОВ поинтересовался у меня, что я сделал согласно моего обещания ТОМСКОМУ и как вообще обстоят дела.

Не желая делиться своей работой в Кремле с кем бы то ни было, кроме ТОМСКОГО, я отвел вопрос ПЯТАКОВА и не стал с ним говорить на эту тему.

Я сделал это исходя из того, что не хотел, чтобы он-ПЯТАКОВ или кто-либо другой из троцкистской или правой организации поддерживали бы связи непосредственно со мной и тем самым ставили бы меня под угрозу провала.

После этого моего разговора с ПЯТАКОВЫМ в присутствии ТОМСКОГО я взялся более активно за обработку ПЕТЕРСОНА и, в результате, в начале 1932 г. ПЕТЕРСОН был мною завербован и дал согласие на участие в подготовке переворота в Кремле.

Вопрос: Расскажите подробно об обстоятельствах вербовки Вами ПЕТЕРСОНА?

Ответ: С ПЕТЕРСОНОМ, как с комендантом Кремля и ближайшим лицом по вопросам охраны и всех порядков в Кремле и при том лицом самым доверенным мне, я встречался ежедневно.

Я наблюдал за его работой в течение многих лет и знал его как человека энергичного и очень работоспособного.

Естественно, что при этих обстоятельствах за всеми сведениями о работе в Кремле и характеристиками отдельных работников я обращался в первую голову к нему, ПЕТЕРСОНУ.

Он же меня информировал о настроениях, наблюдающихся среди курсантов и командного состава школы ВЦИК, а также среди работников комендатуры Кремля. Из этих информации было видно, что настроения у определенной части курсантов школы ВЦИК менялись в связи с происходящими в стране процессами экономического и политического

характера.

Хотя курсанты школы ВЦИК и набирались , главным образом, из рабочих партийцев и комсомольцев, среди части ее, связанной с деревней, наблюдались недовольства проводимой ВКП/б/ в 1930-31 г.г. политикой коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Такие недовольства в школе мы обязаны были быстро ликвидировать путем отсеивания недовольных и замены их более надежными и проверенными элементами. В таких условиях надеяться на развертывание в школе какой - бы то ни было широкой работы для организации значительных групп против существующего руководства ВКП/б/ и сов. правительства не представлялось возможным.

Несмотря на это, нужно было приступить к работе по выявлению лиц вполне надежных для выполнения тех или иных заданий, связанных с нелегальной работой в Кремле. Это я решил сделать через ПЕТЕРСОНА. Подробное содержание всех моих разговоров с ПЕТЕРСОНОМ я в течение 1931 г./года, когда я обрабатывал ПЕТЕРСОНА для вербовки его в организацию/, мне трудно передать за давностью времени. Встречались ежедневно и в моем служебном кабинете и при моем ежедневном выходе в 8 час. утра на работу. Мы говорили на разные темы- касались всех событий внутренней и внешней жизни СССР.

Я заводил с ПЕТЕРСОНОМ разговоры, прежде всего, о тех отдельных недовольствах, которые по агентурным данным имелись среди курсантов школы ВЦИК.

Мы часто говорили с ПЕТЕРСОНОМ и на внутрипартий.

ные темы и при этом тоже обсуждали агентурные материалы об отдельных разговорах между коммунистами, в которых критиковались внутрипартийные порядки.

И я, и ПЕТЕРСОН в процессе этих бесед нередко сходились на мнении, что недовольства, фиксируемые в агентурных материалах, не безосновательны.

После такого характера разговоров я сообщил ПЕТЕРСОНУ в одной из бесед с ним, что бывшие антипартийные течения снова зашевелились и поднимают голову. Например, сказал я ему, мне известно, что лидеры правых ведут нелегальную работу, двурушнически прикрываясь внутри партии и ведут борьбу за возвращение в руководящие органы ВКП/б/ и советского правительства".

В этой беседе я старался не обсуждать правых и доказывал, что их действительно не следовало отстранять от руководства, что резкое отталкивание лидеров, как правой оппозиции, так и бывших троцкистов и зиновьевцев, вызывает недовольство среди членов ВКП/б/ и нервнрует партию.

К такого рода разговорам с моей стороны ПЕТЕРСОН в первое время относился с некоторым удивлением и даже не доверял, но в дальнейшем, когда мы неоднократно возвращались к этой же теме, у него создалось впечатление, что и я недоволен некоторыми порядками в ВКП/б/. Я постепенно приучил его к этой мысли.

Однажды, во второй половине 1931 г. я рассказал ПЕТЕРСОНУ, что о нелегальной деятельности правых я знаю из своих разговоров с ТОМСКИМ, но тогда я не сказал ему, от чьего имени ТОМСКИЙ со мной говорил. Через некоторое время

я ему об"яснил, что существует центр правой организации, который развертывает подпольную работу во всей стране и хочет также найти в Кремле людей для такой работы.

До поры, до времени эти мои разговоры с ПЕТЕРСОНОМ носили характер осведомления его о том, что делается.

В конце 1931 г. я ему даже сообщил, что осведомлен от ТОМСКОГО о намечающемся контакте у центра правых с троцкистами и зиновьевцами, что они все сошлись в вопросе борьбы против руководства ВКП/б/ и советского правительства и путем ослабления или свержения этого руководства намереваются захватить власть в свои руки. После этого в начале 1932 г. я сделал ПЕТЕРСОНУ предложение, принять участие в подготовке переворота в Кремле. После долгой беседы мне удалось заручиться его согласием.

ПЕТЕРСОН дал также согласие заняться вербовочной работой среди работников кремлевского гарнизона, в частности в комендатуре Кремля, где имеется ряд лиц, ему особенно преданных.

Что касается привлечения людей из состава школы ВЦИК, то я сказал ПЕТЕРСОНУ, что если он непосредственно не связан с отдельными курсантами и командирами школы, то пусть лучше позондирует почву для этой цели через начальника школы или его помполита.

Я ПЕТЕРСОНУ подробно об"яснил цель такой вербовки людей, исходя из моих бесед с ТОМСКИМ, при чем подчеркнул ему, что тут в этой работе требуется очень большая осто-

рожность ввиду широкой агентурной работы в Кремле. ПЕТЕРСОН со всей серьезностью отнесся к этим моим поручениям и обещал со своей стороны приступить к работе и держать меня в курсе ее.

Вопрос: Из Ваших показаний видно, что Вы дали ТОМСКОМУ согласие вести вербовочную работу еще в конце 1930 г., ПЕТЕРСОНА же завербовали только в начале 1932 г. Чем Вы это об"ясняете?

Ответ: В конце 1930 г. я дал обещание ТОМСКОМУ представить свои соображения относительно вербовки людей в Кремле, а также указать людей, через которых можно было бы вести вербовочную работу.

На мой вопрос ТОМСКОМУ, в одну из бесед с ним, вскоре после этого, может ли он мне указать на кого-нибудь из сторонников правых в Кремле, на которых я мог бы опереться в своей работе, ТОМСКИЙ мне никого не назвал.

Таким образом мне пришлось самому выявлять людей, через которых я мог бы вести вербовочную работу. Этим обстоятельством об"ясняется то, что больше чем целый год ушло у меня на более близкое ознакомление с настроениями работников, как школы ВЦИК, так и кремлевской комендатуры и, как я уже показывал выше, очень много времени ушло у меня на беседы с ПЕТЕРСОНОМ, чтобы склонить его принять участие в подготовке переворота.

Вопрос: Вы выше показали, что ПЕТЕРСОН был Вашим наиболее доверенным человеком. Непонятно, почему же Вам понадобилось столько времени для его обработки?

Ответ: Да, я подтверждаю, что ПЕТЕРСОН был наиболее доверенным мне человеком, но до 1931 года мы никогда с ним не вели антипартийных бесед.

Как я уже показал раньше, когда я приступил к беседе с ПЕТЕРСОНОМ, направленным на вербовку его для борьбы против ВКП/б/ и советского правительства, он в первое время относился к моим высказываниям с удивлением и большим недоверием.

Этим и об"ясняется моя осторожность при его обработке и столь большой срок этой обработки.

Вопрос: Почему же Вы рассказывали ПЕТЕРСОНУ еще до его вербовки о существовании и деятельности организации правых и Ваших переговорах с ТОМСКИМ?

Ответ: Это об"ясняется следующим: В процессе бесед с ПЕТЕРСОНОМ я его постепенно наталкивал на мысль, что эти беседы ведутся мною с определенной целью. Всякая работа по вербовке того или иного человека связана безусловно с некоторым риском, но тем не менее вербуемого все равно необходимо посвятить в цели разговоров с ним. Что касается ПЕТЕРСОНА, я ему настолько доверял, что мог, не боясь провала, осведомить его о существовании и деятельности организации правых.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах Вам дал ПЕТЕРСОН согласие на участие в подготовке переворота в Кремле?

Ответ: Это было в начале 1932 г. приблизительно в марте мес. в моем служебном кабинете.

Вопрос: Что практически сделал ПЕТЕРСОН во исполнение Ваших поручений?

Ответ: В первые месяцы 1932 г. ПЕТЕРСОНУ широкую вербовочную работу развернуть не удалось. Больше того, его разговоры со мной производили на меня впечатление, что ПЕТЕРСОН, собственно, не особенно торопится с выполнением моих поручений. Я обращал на это внимание ПЕТЕРСОНА и в один из разговоров летом 1932 г. , ПЕТЕРСОН мне сообщил что в комендатуре Кремля он уже наметил двух-трех человек, на которых, по его мнению, можно будет положиться и которых он предполагает привлечь к нелегальной деятельности с тем чтобы через них развернуть более широкую вербовочную работу среди сотрудников комендатуры Кремля.

На мой вопрос, кто эти лица, ПЕТЕРСОН мне назвал СИНЕЛОВОВА, являвшегося его сотрудником для поручений, ДОРОШИНА, дежурного помощника коменданта Кремля и ЛУКЬЯНОВА-коменданта большого кремлевского дворца.

После этой информации ПЕТЕРСОНА я ему высказал свое мнение, что эти люди действительно будут подходящи для нашей задачи по подготовке переворота и что окончательное привлечение этих людей надо ускорить.

Приблизительно в этот же период времени я в беседах с ПЕТЕРСОНОМ неоднократно просил его подобрать необходимых людей в школе ВЦИК. ПЕТЕРСОН, в ответ на это, отговаривался тем, что с составом школы ВЦИК он значительно менее знаком , чем с составом работников комендатуры Кремля.

Вместе с тем, он указывал мне, что предполагает привлечь исполняющего обязанности начальника школы ВЦИК-ЕГОРОВА, открыто выступавшего в 1923 г., как троцкист. Я положительно отнесся к кандидатуре ЕГОРОВА, указав ПЕТЕРСОНУ, что если ЕГОРОВА удастся привлечь, он может принести большую пользу в дальнейшем подборе людей среди командного и курсантского состава школы.

Поскольку мои беседы о кандидатуре ЕГОРОВА происходили с ПЕТЕРСОНОМ в начале или середине лета 1932 г., т.е. в тот период, когда школа ВЦИК находилась в лагерях, естественно, мне приходилось соглашаться с ПЕТЕРСОНОМ, что в полную силу вопрос о привлечении ЕГОРОВА встанет только после возвращения его вместе со школой из лагерей.

В конце 1932 г. ПЕТЕРСОНУ, по его же словам, удалось привлечь к нашей нелегальной деятельности ЕГОРОВА, который к этому времени был назначен начальником школы ВЦИК. Кроме того, из работников комендатуры, как он мне сообщил, им завербованы СИНЕЛОВОВ, ДОРОШИН, ЛУКЬЯНОВ и ПОЛЯКОВ /белый/. Не помню, когда именно ПЕТЕРСОН назвал мне, как завербованного бывшего помполита ИМЯНИННИКОВА.

Вопрос: Какие задачи ставил ПЕТЕРСОН перед вербуемыми?

Ответ: Вопрос о задачах, которые следует ставить перед каждым вновь вербуемым, обсуждался между мной и ПЕТЕРСОНОМ неоднократно. Нужно учесть, что к моменту моих бесед с ним на эту тему ТОМСКИЙ мне уже сообщил, что между организацией правых и троцкистско-зиновьевской организацией достигнуто соглашение не только о контакте, но и о совме

стной работе.

В связи с этим, в разговоре с ПЕТЕРСОНОМ, я, информируя его об этом, говорил ему, что при вербовке того или иного лица для участия в подготовке переворота в Кремле, не следует говорить специально ни от имени троцкистов и зиновьевцев, ни от имени правых, а что следует говорить от имени людей, бывших в прошлом в руководстве партии и правительства и незаслуженно от этого руководства отстраненных, т.-е. иначе говоря, от имени блока троцкистов-зиновьевцев и правых.

ПЕТЕРСОН с этим согласился.

Что касается конкретных задач, которые следовало ставить перед каждым вербуемым, то в этом отношении я был согласен с ПЕТЕРСОНОМ, что перед ЕГОРОВЫМ, как начальником школы ВЦИК, должны быть поставлены несколько более широкие задачи, чем перед любым вербуемым из работников комендатуры. И я, и ПЕТЕРСОН считали, что ЕГОРОВ должен будет самостоятельно развернуть в школе ВЦИК вербовочную работу, расставить их на соответствующие узловые пункты внутри школы и руководить ими непосредственно, не связывая ни с кем из нас. Исходя из общего плана переворота в Кремле, ЕГОРОВ должен был обеспечить своевременное выступление всей школы ВЦИК с таким расчетом, чтобы, благодаря наличию своих людей на соответствующих участках, основной курсантский состав школы не знал бы до поры до времени для какой цели он используется.

Что касается вербовки работников комендатуры Кремля, то перед каждым из них необходимо ставить зада-

ной станции. Это не вызовет подозрений в отношении Кремля и даст об"яснение, почему телефонная связь с Кремлем прервана.

На это я ответил, ТОМСКОМУ, что такая авария не решает дела, так как в Москве, кроме центральной ручной станции, существует несколько автоматических.

Обеспечить захват телефонной связи в свои руки может лишь: выключение кремлевской автоматической станции /вертушки/, выключение городских вводов на некоторые квартиры в Кремле, контроль во время переворота над работой коммутатора, где также имеется несколько городских вводов, или, наконец, обрыв телефонных вводов в определенных квартирах. Все это можно обеспечить, если иметь среди связистов в Кремле 5-7 участников организации. Что касается телеграфа в Кремле, то его необходимо захватить в свои руки.

ТОМСКИЙ с этими моими соображениями согласился.

При обсуждении первого варианта плана переворота /арест во время заседания/, мы сходились на том, что этот план, с одной стороны, имеет положительную сторону, так как, в случае удачи, обеспечивает захват власти в очень короткий срок. С другой стороны, в случае недостаточно тщательной подготовки, он неизбежно приводит к провалу. Для нас было ясно, что необходимо выбрать узкое заседание, на котором было бы немного присутствующих и вместе с тем были бы налицо вышеперечисленные руководители ВКП/б/ и советского правительства. Такие заседания нередко происходили в кабинете СТАЛИНА.

Основные трудности, которые мы видели при выпол-

нении этого плана, были следующие. Во-первых, заседания обычно происходили в дневное время, т.-е., когда в Кремле большое движение. Это означало, что если не удастся без шума арестовать всех присутствующих на заседании, то о происшедшем в Кремле станет немедленно известно и вне его. Во-вторых, мы не исключали, что у подлежащих аресту может оказаться при себе оружие и понимали, что все эти люди не такие, чтобы сдаваться при любом положении. Это означало, что может начаться перестрелка, которая привлекла бы внимание наружной охраны. Если она не будет состоять из завербованных людей, то будет немедленно стремиться прорваться внутрь для того, чтобы помешать нашим действиям.

При обсуждении второго варианта/арест ночью на квартирах/ мы приходили к выводу, что он более легко выполним, исходя из следующих соображений: доступ в квартиры вышеперечисленных руководителей, подлежащих аресту, был сравнительно свободным; часть вышеперечисленных лиц жила в общих жилых домах и ночью специальной охраны там не было.

Что касается квартиры СТАЛИНА, то в нее было труднее несколько пройти ночью, ибо вдоль здания в сквере ходила ночная охрана, но и это особых препятствий не представляло.

Вопрос: Каков был план дальнейших действий после ареста руководителей ВКП/б/ и советского правительства?

Ответ: В те годы, когда блок рассчитывал еще на организацию переворота в Кремле, приурочивая его к моменту массовых выступлений в стране, в результате краха полити-

ки ВКП/б/ в области коллективизации, предполагалось действовать следующим образом: при удачном проведении арестов СТАЛИНА, МОЛОТОВА, КАГАНОВИЧА, ВОРОШИЛОВА и ОРДЖОНИКИДЗЕ намечалось выпустить по Советскому Союзу правительственное сообщение, в котором извещалось бы, что старое руководство партии своей неправильной политикой себя скомпрометировало и тем самым вызвало недовольство во всей стране, что, в связи с этим, оно сейчас отстранено от руководства страной и что новый состав правительства примет все меры к тому, чтобы улучшить положение в стране.

Вопрос: В тот период в Ленинграде находился член Политбюро тов.КИРОВ, а на Украине тов.КОССИОР. Какие у Вас были планы в отношении их?

Ответ: Плана в отношении их я не знаю, так как я интересовался работой внутри Кремля. По словам ТОМСКОГО, через своих людей на Украине, в Ленинграде и других местах в момент организации переворота в Кремле будут приняты меры против руководителей соответствующих организаций.

Вопрос: Выше Вы показали, что такой план действий у Вас намечался в первые годы Вашей нелегальной деятельности. Какие это годы?

Ответ: Как я ранее показал, этот план относится к 1931-32 г.г.

Вопрос: А в последующие годы?

Ответ: Начиная со второй половины 1932 г. и в дальнейшем, надежд на организацию вооруженного переворота в Кремле, в сочетании с массовыми выступлениями в стране,

оставалось все меньше. ТОМСКИЙ это неоднократно подчеркивал в беседах со мной и указывал, что блок решил основную нелегальную работу вести по линии террора против руководителей ВКП/б/ и советского правительства и что внутри Кремля надо вести работу так, чтобы иметь эту основную задачу в центре внимания. ТОМСКИЙ говорил, что среди завербованных для участия в подготовке переворота в Кремле лиц, надо найти смелых и решительных людей, которые примут личное участие в организации группового террористического акта.

ТОМСКИЙ развивал следующий план действий: среди завербованных внутри Кремля подбирается небольшая группа лиц, которая либо ночью на квартирах, либо во время прогулок совершает террористический акт над СТАЛИНЫМ, МОЛОТОВЫМ, ВОРОШИЛОВЫМ, КАГАНОВИЧЕМ и ОРДЖОНИКИДЗЕ.

В стране, в результате убийства перечисленных выше руководителей ВКП/б/ и советского правительства, начинается замешательство и к руководству привлекаются лица, которые раньше состояли в этом руководстве.

Вопрос: Сколько человек Вы считали необходимым иметь для осуществления переворота в Кремле?

Ответ: Человек 20-25.

Вопрос: А сколько у Вас было?

Ответ: Человек 15.

Вопрос: Кто персонально?

Ответ: Мне известны ПЕТЕРСОН, ЕГОРОВ, ДОРОШИН, ЛУКЬЯНОВ, ПОЛЯКОВ и СИНЕЛОВОВ. Кроме того, у ЕГОРОВА в школе

ВЦИК было несколько человек, фамилии их я не помню, так как связаны они были непосредственно с ЕГОРОВЫМ, я с ними лично не сталкивался.

Вопрос: Намечались ли Вами сроки осуществления переворота?

Ответ: ТОМСКИЙ мне сперва говорил, что намечался переворот на лето 1933 г. В связи с тем, что внутри Кремля нам еще не удалось развернуть достаточной вербовочной работы и тем, что целый ряд лиц, подлежащих по плану устранению, в летнее время отсутствовал в Кремле, организация переворота была отложена на осень 1933 г.

Осенью 1933 г. началась подготовка 17 с"езда партии и поэтому сроки были изменены. Подготовка переворота была отложена для того, чтобы лидеры блока смогли бы на 17 с"езде двуручнически декларировать свою преданность ВКП/б/ и ее руководству. После 17 с"езда ВКП/б/ переворот намечался на осень 1934 г.

Вопрос: Почему же осенью 1934 г. не было приступлено к осуществлению переворота?

Ответ: Мы условились с ТОМСКИМ, что я буду ждать от него указаний по этому поводу.

По словам ТОМСКОГО, руководство блока считало, что деятельность участников организации в Кремле не должна расходиться с деятельностью блока по всему Советскому Союзу. Я же указания от ТОМСКОГО приступить к осуществлению переворота не получал.

- 29 -

Вопрос: А если бы Вы получили это указание, Вы приступили бы к осуществлению переворота?

Ответ: Да, приступил бы.

Записано с моих слов правильно.

А. ЕНУКИДЗЕ.

ДОПРОСИЛИ: ПОМ. НАЧ 3 ОТД. 4-го ОТДЕЛА ГУГБ -
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ /Альтман/
ОПЕРУП. 6 ОТД. 4-го ОТДЕЛА ГУГБ -
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ /Гейман/

В е р н о :

ПОМ. НАЧ 15 ОТД. 4-го ОТДЕЛА ГУГБ -
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ:

А. Енукидзе
А. Енукидзе /